

Дождь лил всю ночь напролёт, и к утру город окутала сырая туманная дымка.

Накануне вечером Су Минжань специально отыскал в старом дорожном сундуке шерстяной плед, но, проснувшись на рассвете, всё равно почувствовал, как зябнет от пронизывающей прохлады. Растирая озябшие плечи, он некоторое время сидел на постели, отрешённо глядя перед собой.

Его комната выглядела сиротливо: голые, наспех оштукатуренные стены, а из мебели — лишь узкая кровать да колченогий сундук. Когда-то это помещение служило глухой кладовой, которую позже на скорую руку переделали под жилье.

Поднявшись, Минжань умылся и распахнул окно. Резкий утренний ветер сразу растрепал чёлку. У его ног, преданно заглядывая в глаза, тихо сидел Сяо Хуан.

Ночной ливень оказался слишком сильным — сколоченная наспех конура в углу двора наверняка промокла насквозь. Пожалев пса, Минжань прошлым вечером тайком провел его к себе в комнату.

Сяо Хуан был обычной китайской деревенской собакой, которую Минжань за сто юаней выкупил у живодёра. Пёс рос на редкость смирным и послушным — он стал единственным преданным другом Минжаня в этом огромном, но чужом доме.

Остальные члены семьи Су терпеть не могли животных, поэтому держать собаку открыто не позволялось. Минжаню приходилось прятать её в самом незаметном уголке за виллой и подкармливать остатками еды, которые удавалось тайком стащить с кухни.

На часах было всего шесть утра. Минжань специально проснулся пораньше: хозяева дома обычно не поднимались раньше восьми, и у него оставалось достаточно времени, чтобы незаметно увести Сяо Хуана обратно на улицу.

Подойдя к двери, Минжань приложил палец к губам и тихонько шикнул на пса. Тот понимающе вильнул хвостом и послушно последовал за хозяином в коридор.

Однако стоило им сделать шаг наружу, как Минжань замер: вопреки обыкновению, слуги вовсю сновали по дому. Из дальних комнат долетал весёлый смех Ци Синхэ, нежный голос матери и резкие, визгливые интонации старшей сестры Су Миньминь.

Коридор был полон людей. Поняв, что проскочить незамеченными не удастся, Минжань торопливо указал псу назад. Сяо Хуан ласково ткнулся носом в его щиколотку и послушно скользнул обратно в комнату.

Остановив одну из служанок, Минжань спросил:

— Почему сегодня все так рано поднялись?

Женщина, тащившая в руках охапку свежевыглаженной одежды, раздражённо выпрямилась и смерила его недовольным взглядом.

— Неужели непонятно? Сегодня семейный приём. Вечером съедутся все самые почётные гости города.

Минжань осекся, не зная, что ответить.

Служанка смерила его презрительным взглядом и грубо задела плечом, проходя мимо.

— Ах, я и забыла... Тебе-то откуда знать.

От толчка Минжань покачнулся, но лишь горько усмехнулся про себя. Надо же, теперь даже последняя прислуга на вилле прекрасно знала: он здесь никто, пустое место, о которое можно безнаказанно вытирать ноги.

В дом Су он вернулся в тринадцатилетнем возрасте. До этого, когда ему было всего семь, его среди бел дня похитили по дороге из школы — зажали рот грязной ладонью и затащили в закрытую повозку. Ему потребовалось шесть долгих, невыносимых лет, чтобы чудом вырваться из сырого, тёмного плена и наконец добраться до родного порога. Вот только дома его никто не ждал — за время его отсутствия здесь не осталось даже крупинки места для него.

В тот самый год, когда Минжаня похитили, отец привёл в дом сироту — Ци Синхэ. Мальчика усыновили, и очень скоро он согрелся в лучах безраздельной родительской любви и заботы.

Отец души не чаял в приёмыше, общаясь с ним как с родным наследником. Мать, обделявшая вниманием троих собственных детей, к одному лишь Синхэ проявляла нежность, а старший брат Су Мо буквально сдувал с него пылинки. Пожалуй, лишь старшая сестра, Су Миньминь, разделяла глухую неприязнь Минжаня к этому баловню судьбы.

Минжань возненавидел Ци Синхэ с первой же секунды их встречи. Было очевидно, что они никогда не уживутся под одной крышей. Впрочем, это чувство было абсолютно взаимным.

Вернувшись к себе, Минжань решил переждать суету. Он затаился, прислушиваясь к шагам за дверью, чтобы выскользнуть во двор, как только все разойдутся по делам.

Наконец шум немного утих. На цыпочках пробравшись по коридору, он двинулся в сторону заднего двора.

Там, где жилое крыло примыкало к саду, располагалась старая, заброшенная мансарда. Сюда

почти никто не заглядывал. Вниз вела крутая деревянная лестница, выходившая прямым в укромный уголок заднего двора. Каждый раз, когда отец осыпал его очередной порцией упрёков, Минжань сбегал сюда, чтобы побыть в одиночестве.

Ступени давно рассохлись и прогнили — домашние предпочитали пользоваться парадным выходом, так что Минжаню каждый раз приходилось ступать с предельной осторожностью, чтобы не рухнуть вниз.

Он негромко позвал собаку, и Сяо Хуан, забавно прядая ушами, припустил к нему трусцой.

— Тише, Сяо Хуан, ни звука, — шепнул Минжань, ласково потрепав пса по загривку. — Даже если оступись — терпи, не скули. Иначе нам обоим несдобровать.

Пёс шумно выдохнул и, словно соглашаясь, преданно лизнул его ладонь шершавым языком. Минжань невольно улыбнулся и ласково взъерошил шерсть у него на макушке.

Из-за чрезмерной худобы и вечно напряжённой осанки Минжань часто казался окружающим колючим и нелюдимым. Но стоило ему улыбнуться, как на щеках проступали глубокие ямочки, удивительно преображая лицо и делая его открытым и обезоруживающе мягким.

— Умница.

Они уже приготовились спускаться, как вдруг из глубины коридора донёсся громкий, раздражённый окрик. Кто-то явно спешил и злился:

— Су Минжань! Куда ты опять провалился, черт бы тебя побрал?!

Времени на раздумья не оставалось. Попытаешься отвести собаку обратно в комнату — неизбежно столкнёшься со слугами. Спускать Сяо Хуана одного во двор тоже нельзя: там всю кипела работа, и без присмотра хозяина пса тут же поймают и вышвырнут.

— Сяо Хуан, быстро спрячься где-нибудь и сиди тихо, — лихорадочно зашептал Минжань. — Не смей высовываться, я скоро вернусь.

Пёс послушно уселся в углу за старыми ящиками и замер. Минжань глубоко вздохнул и поспешил навстречу звавшему его голосу.

Как выяснилось, его разыскивал один из личных помощников отца. Глава семейства, Су Жэньхуа, требовал, чтобы Минжань немедленно явился в его кабинет.

Поднявшись на второй этаж, Минжань вошел в просторный, пахнущий дорогим табаком кабинет отца. Су Жэньхуа сидел в глубоком кожаном кресле и с нескрываемой теплотой

наблюдал за сияющим от счастья Ци Синхэ.

Тот увлечённо крутился перед зеркалом, прикладывая к груди роскошный смокинг, доставленный утренним спецрейсом из европейского ателье.

— Папа, посмотри! Ну как, мне идёт?

— Нашему Синхэ к лицу любой наряд! — добродушно рассмеялся Су Жэньхуа.

— Эх, там был ещё один комплект, просто потрясающий! — капризно надул губы юноша. — Но его пришлось бы ждать целую неделю, так что я решил отказаться. Обойдусь этим.

Его взгляд хищно заскользил по запястью Су Жэньхуа.

— Папа... Мне кажется, к этому костюму позарез нужны хорошие часы.

Ещё на прошлой неделе Синхэ положил глаз на редкий антикварный хронограф, который отец за баснословные деньги выкупил на закрытом аукционе. Су Жэньхуа очень дорожил этой игрушкой. Даже старший сын, Су Мо, несколько раз просил подарить ему эти часы, но каждый раз получал жёсткий отказ.

Однако ради любимого воспитанника Су Жэньхуа не пожалел раритета.

— Понравились? — мягко улыбнулся он. — Что ж, забирай, носи на здоровье.

Синхэ буквально просиял. Схватив драгоценный подарок, он тут же повис на шее у приёмного отца.

— Папочка, ты у меня самый лучший на свете! Обожаю тебя!

Уходя, он метнул в сторону стоявшего у порога Су Минжана демонстративный, полный превосходства взгляд и победоносно выплыл из кабинета.

Стоило двери за ним закрыться, как благожелательная атмосфера в комнате мгновенно испарилась, сменившись давящей, ледяной тишиной.

Су Жэньхуа неторопливо раскурил сигарету, сделал глубокую затяжку и сквозь сизый дым соизволил наконец взглянуть на родного сына.

— Явился наконец?

Минжань выпрямился, до предела натянув струну внутреннего напряжения.

— Разве вы не заметили меня ещё при входе?

Су Жэньхуа недовольно поморщился и раздражённо цыкнул сквозь зубы. Его всегда бесила эта ершистая, вечно обороняющаяся манера общения сына. В конце концов, семья Су ни в чём перед ним не провинилась.

— Неужели трудно ответить нормально, без этого твоего вечного яда? — процедил отец, сдерживая подступающий гнев. Он стряхнул пепел в массивную пепельницу и перешёл к делу. — Вечером на приёме соберётся весь свет города. Ты у нас учишься музыке, вот и сыграешь гостям что-нибудь достойное на рояле. Покажи себя.

Минжань криво усмехнулся. Надо же, отец вспоминал о его существовании исключительно тогда, когда требовалось выставить перед гостями красивую живую декорацию.

— И приведи себя в порядок. Твоё шмотьё... — Су Жэньхуа с явным пренебрежением оглядел его недорогую толстовку и джинсы. — Попроси прислугу принести что-нибудь из гардероба Синхэ. У него наверняка найдутся почти новые вещи, которые он надевал от силы пару раз. Времени шить тебе новый костюм всё равно нет. Вечно таскаешься как оборванец подборный... Гости ещё подумают, что мы тебя здесь голодом морим и во всём ущемляем.

— А разве вы растите меня как-то иначе? — ледяным тоном отозвался Минжань.

Не дожидаясь ответа, он резко развернулся и зашагал к выходу. За спиной раздался яростный стук кулака по столу и поток бранных слов, но Минжаню было плевать. Он даже не обернулся.

Отец всегда оставался верен себе: родной сын интересовал его лишь тогда, когда от него можно было получить хоть какую-то пользу.

В голове Минжаня до сих пор не укладывалось: кем на самом деле приходился отцу этот Ци Синхэ? Действительно ли он просто приёмный из приюта, или же незаконнорождённый бастард, которого Су Жэньхуа тайно прижил на стороне? Иначе как объяснить, что его любили и баловали куда больше, чем законного первенца, старшего брата Су Мо?

Впрочем, разгадывать семейные тайны сейчас было недосуг — первостепенной задачей оставалось незаметно увести Сяо Хуана с виллы.

Минжань поспешил обратно к заброшенной мансарде. На подходе к лестнице у него внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия — в полумраке чердака угадывалось чужое присутствие.

Ци Синхэ, который всего несколько минут назад сиял от радости, заполучив коллекционные отцовские часы, теперь сидел на корточках в самом тёмном углу заброшенного чердака.

Сердце Минжаня пропустило удар. Он сделал несколько быстрых шагов вперёд и оцепенел от ужаса: Сяо Хуан лежал на полу, туго связанный по лапам толстой верёвкой.

Напыщенный Синхэ всегда брезговал этим пыльным, заброшенным местом. Минжаня не было от силы десять минут — как этот ублюдок ухитрился так быстро разыскать тайник?

Но размышлять было некогда. Прямо на его глазах Синхэ замахнулся и с силой вонзил длинную тонкую иглу в незащищённое тело пса. Несчастное животное отчаянно забилось, пытаясь вырваться, но путы держали крепко. На губах Синхэ играла абсолютно счастливая улыбка.

Для огромной усадьбы Су прокормить одну небольшую собаку не составляло никакого труда. Когда Минжань только принёс израненного щенка домой, он буквально на коленях умолял отца разрешить оставить его. Он клялся, что пёс вырастет послушным, не станет лаять без дела или портить вещи в саду, а если случится хоть одна неприятность — он тут же безропотно увезёт его сам.

Су Жэньхуа уже готов был благосклонно кивнуть, но в разговор вмешался Синхэ, капризно заявив, что терпеть не может мерзких бродячих псов.

Минжань искренне не понимал, чем безобидная дворняжка заслужила такую лютую ненависть. Стоило Синхэ случайно заметить Сяо Хуана на территории виллы, как он тут же принимался забрасывать его тяжёлыми камнями. Запуганный пёс никогда не огрызался — он лишь беззвучно, поджав хвост, удирал прочь под залихватистый, торжествующий хохот малолетнего живодёра.

Но сегодняшняя жестокость переходила все мыслимые границы. По указке Синхэ преданные ему слуги стянули лапы Сяо Хуана верёвками, вывернув суставы под неестественным, причиняющим острую боль углом. Морду собаки намертво обмотали плотной тканью, чтобы лишить возможности скулить, пока хозяин методично, с явным удовольствием вгонял иглу в нежную кожу на животе животного.

К моменту появления Минжаня пёс был уже полуживым от пыток. Будучи не в силах шевельнуться, он лишь неотрывно смотрел на хозяина круглыми, полными невыносимой тоски глазами, из которых крупными каплями катились слёзы.

В ту же секунду разум Минжаня затопила ярость. Потеряв контроль от накатившего гнева, он с диким криком бросился вперёд и наотмашь толкнул Синхэ, швырнув в стороны державших собаку слуг.

Острая игла в руке Синхэ пропорола предплечье Минжаня, оставив глубокий рваный след. Наружу мгновенно выступили крупные капли крови, но в пылу драки он даже не почувствовал боли. Опустившись на колени, он лихорадочно принялся рвать ногтями узлы, намертво стягивавшие лапы испуганного животного, и сдёрнул тряпку с его морды.

Почуввав свободу, Сяо Хуан кубарем скатился по крутой лестнице вниз. Неловко ударившись о землю, он тут же вскочил на лапы и, сильно припадая на раненую конечность, скрылся в густых зарослях сада.

Проводив пса взглядом, Минжань наконец перевёл дыхание и медленно, с лютой ненавистью уставился на зачинщика расправы.

Перепуганные прислужники уже суетились вокруг своего баловня, помогая ему подняться на ноги. Синхэ хныкал, разглядывая слегка ободранный локоть, на который угодливо дула одна из горничных.

— Да как ты посмел?! Тебе конец, слышишь, Су Минжань! Отец тебя живьём закопает за то, что ты поднял на меня руку! — истошно завизжал Синхэ, срываясь на истеричный фальцет.

Лишь спустя долгие годы Минжань наконец осознал истинную причину той непреодолимой, инстинктивной неприязни, которую испытал к Синхэ в день их первой встречи.

После похищения его увезли в глухую провинцию. Запертых в полуразрушенном бараке детей стерегли угрюмые, жестокие надсмотрщики. Каждый выходных самый рослый и свирепый из этих ублюдков пинками выгонял испуганных детей на многолюдные улицы города, заставляя побираться. Те дни были для Минжаня сущим адом.

Если дневная выручка оказывалась скудной, вожак безжалостно порол провинившихся длинным кожаным хлыстом, после чего запирали в тёмном чулане без капли воды и корки хлеба на несколько суток.

Пытаясь спастись от очередных побоев, Минжань хватал прохожих за полы пальто, протягивая к ним щербатую глиняную плошку. Иногда мимо проходили нарядные, ухоженные дети богачей. Глядя на него свысока, они с мерзким смехом швыряли мелкие монеты прямо в зловонные мусорные баки, заставляя Минжаня по локоть копаться в гниющих отбросах. Они тыкали в него пальцами, весело переговариваясь и обзывая оборванцем. А некоторые и вовсе с безразличной гримасой плевали ему прямо в лицо.

И сейчас сквозь капризную гримасу Синхэ отчётливо проступали те самые сытые, жестокие лица из его кошмарного детства. Интуиция его не подвела. Этот избалованный мерзавец сочетал в себе худшие человеческие пороки: безграничную спесь, абсолютное равнодушие к чужой боли и извращённую, мелкую жестокость.

Дрянные дети вырастают и превращаются в законченных чудовищ.

— Считаешь, раз это собака, то над ней можно издеваться как вздумается? — Минжань медленно поднялся на ноги и сделал шаг к Синхэ.

Вообще-то Синхэ никогда особо не боялся названного брата. В детстве он безнаказанно изводил Минжаня, прекрасно зная: что бы он ни натворил, приёмные родители всегда примут его сторону, сделав виноватым именно Минжаня.

Но время шло, Минжань вырослел и всё чаще давал жёсткий отпор. Его взгляд становился пугающе холодным, и в такие минуты Синхэ невольно пасовал.

— Животное? — вызывающе фыркнул Синхэ, изо всех сил цепляясь за плечо рослого слуги, чтобы скрыть дрожь в коленях. — Да это обычная бездомная тварь! Какая разница? Я же не тебя связал!

Минжань молча наклонился и подобрал валявшуюся на досках длинную иглу.

Заметив это, Синхэ испуганно отшатнулся.

— Ты... ты что задумал?!

— Оно не тварь, — глухо обронил Минжань.

Резким движением он раскидал заслонивших Синхэ слуг.

Он был чуть выше Синхэ, но из-за болезненной худобы казался почти прозрачным — сквозь тонкую кожу на руках отчётливо проступали сухожилия. Однако хватка, которой он вцепился в запястье противника, оказалась железной. От него веяло такой неприкрытой угрозой, что Синхэ на секунду онемел.

— Тварь здесь только одна. И это ты.

Синхэ забился в его руках, истошно призывая на помощь родителей. Вдруг краем глаза он уловил какое-то движение в конце коридора. Сообразив, что подмога близко, он мгновенно сориентировался и изо всей силы толкнул Минжаня прямо к пролёту крутой лестницы.

В ушах Минжаня мгновенно заложило от свиста воздуха. Ноги оторвались от пола, и он полетел назад в пустоту. Руки судорожно рванулись вперёд в отчаянной надежде уцепиться хоть за какую-нибудь опору.

На губах Синхэ уже расплылась торжествующая ухмылка, и он сделал неосторожный шаг вперёд, упиваясь своей победой. Но в следующую долю секунды его нога соскользнула с края верхней ступени. Потеряв равновесие, он с диким воплем полетел следом.

Тишину заднего двора разорвал грохот ломающихся перил и истошные крики испуганных слуг. На шум мгновенно сбежались все обитатели виллы. Суетливая толпа тут же обступила

стонущего Синхэ, помогая ему подняться. О том, что под его телом, приняв на себя весь удар о бетонные плиты, лежал Су Минжань, никто даже не вспомнил.

При падении Минжань сильно приложился затылком о каменную кладку. В глазах потемнело, сознание на мгновение затянуло мутной пеленой, а тело пронзила такая дикая боль, будто его заживо разорвали на части. Спустя секунду шок прошёл, уступив место невыносимой судороге в правой руке — той самой, которую он инстинктивно выставил назад, пытаясь смягчить удар.

Стоило зрению немного проясниться, а сознанию вернуться, как Минжань попытался опереться на локоть. Но не успел он даже приподнять голову, как наотмашь получил тяжёлую, хлёсткую пощёчину, швырнувшую его обратно на холодные плиты.

Старший брат, Су Мо, бережно прижимал к себе всхлипывающего Синхэ. Его искажённое яростью лицо нависло над поверженным Минжанем, а в глазах полыхала неприкрытая злоба.

— Тварь! Как у тебя только рука поднялась толкнуть Синхэ?! Ты вообще соображаешь, что творишь, ничтожество?!

<http://bllate.org/book/20440/2105821>